

Таким образом, мы выявили структуру архетипов искушения и запугивания в древнерусском языке. Языковая архетипическая структура искушения может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): «Если ты (вы, он(-и)) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты(вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо». Языковая архетипическая структура запугивания может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): «Если ты (вы, он(-и)) (не) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) во вред тебе (вам, ему, им) что-либо или ты(вы, он(-и)) (не) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Greimas, A.J., Courtes, J. *Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. P.: Hachette Supérieur, (1979)1993. 454 p.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. Лит-ры, 1960. С. 264-389.
3. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Перевод с англ. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 355 с.
4. Юнг К.Г. Об архетипе, в особенности о понятии «Анима» // Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. Пер. с нем. Т.А. Ребеко. М.: Академический Проект, 2007. С. 24-43.
5. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа матери // Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. Пер. с нем. Т.А. Ребеко. М.: Академический Проект, 2007. С. 44-79.
6. Шрейдер Ю.А. Типология как основа классификации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11. С. 1-5.
7. Майен С.В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // Вопр. философии. 1976. № 12. С. 69-79.
8. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
9. Житие Константина-Кирилла // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
10. Житие Сергия Радонежского // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
11. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
12. Житие Сергия Радонежского // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
13. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси, XII век. М.: Худ. лит-ра, 1980. С. 413-626 (2-ая Кассианова ред. по изд. Абрамовича. Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев).
14. Из Синайского патерика // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
15. Сказание о Борисе и Глебе // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
16. Житие Феодосия // <http://lib.pushkinskijdom.ru>

*Александра Павловна УШАКОВА —
доцент кафедры общего языкознания
Тюменского государственного университета,
кандидат филологических наук
total@utmn.ru*

УДК 811.161.1+811.161.3

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье осуществляется обзор лингвистических работ, посвященных анализу категории принадлежности в русском и некоторых славянских языках.

Summary. *The author surveys a number of contemporary linguistic texts concerning the category of possessiveness in the Russian and other Slavic languages.*

Ключевые слова. *Категория, посессивность, предикативность, синтагма.*

Key words. *Category, possessiveness, predicativeness, syntagma.*

В последнее время значительно возрос интерес лингвистов к исследованию различных языковых категорий. Та или иная языковая категория представляет собой результат обобщения определенного, обычно одного, свойства языковой единицы. Категория принадлежности, притяжательности (или посессивности) существует в языке наряду с категориями времени, пространства, причины и другими. Особенность категории принадлежности по сравнению с остальными определяется наличием и у языка в целом, и у данной категории в частности общего ядра — идеи притяжательности. Одна из основных функций языка — освоение им мира и усвоение его себе, то есть тот процесс, который в самом языке передается разными средствами, в совокупности составляющими категорию притяжательности. В.Н. Топоров отмечает: «...развитие языка в сторону имманентной знаковой системы привело к формированию новых языковых функций, получивших преобладание над функцией освоения мира, которая перестала со временем осознаваться как таковая; однако развертывавшееся в ней содержание (освоение-притяжание) было перенесено в пределы формирующегося категориального уровня, где оно оказалось еще органичнее и прочнее укорененным в категории притяжательности [1; 146, 149].»

Испокон веков люди стремятся обладать теми или иными материальными или духовными ценностями, желание «владеть» зачастую является движущим фактором человеческих действий. Н.В. Логунова выносит в название своей статьи вопрос: «Древнерусский язык: “язык — быть” или “язык — иметь”?», — ставя в результате отношения обладания на один уровень с отношением бытия, то есть существования жизни [2; 209]. А «жить», в свою очередь, значит «обладать, обладать способностью и возможностью жить». Таким образом, в реальном мире существуют отношения, которые послужили основой для возникновения грамматической категории принадлежности, получившей свое воплощение в определенных грамматических формах (притяжательных прилагательных, местоимениях и других языковых средствах).

Категории принадлежности посвящено много работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Однако до настоящего времени в лингвистической науке нет единого термина для определения данной категории. Так, Д. Вайсс пишет: «На самом деле, семантический потенциал того отношения, которое в научной литературе принято называть посессивным, настолько широк, что очень часто не удается даже определить данное прочтение иначе чем в самых общих чертах. В частности, в качестве посессора может выступать существо или предмет, служащий лишь ориентиром (“точкой отсчета” по Лангакеру (1995), “полярной звездой” по Е. Рахилиной (2001)), для лучшей идентификации искомого референта в актуальном дискурсе, ср. такие примеры, как “твой докладчик = докладчик, о котором ты говорил/которого ты имеешь в виду”. Ввиду этих соображений куда более пригодным представляется термин “отношение принадлежности”, который иногда встречается в русскоязычной литературе» [3; 283].»

В науке, следовательно, нет единого мнения о содержании понятия принадлежности, или посессивности. Р. Мароевич отмечает по этому поводу: «Дефиниции посессивности као појмовну или логико-семантичку категорију значи одредити појам субјекта посессивности или посессора, појам објекта посессивности и при-

роду односа између њих» [4; 3]. Ту же мысль мы находим в монографии Г. Террич, которая пишет: «Govoreći o definisanju posesivnosti, istakli smo da posesivnost predstavlja odnos posednika ili posesora (posesor) I predmeta posedovanja ili posesuma (posesum)» [5; 29]. Аналогичны наблюдения в работах других исследователей: «Немачки научник у области лингвистичке посесивности Хансјакоб Сајлер (Seiler) (1983, 2001) одређује посесивност у именичким синтагмама (“Attributive possessivity”) и лингвистичку посесивност уопште, и тврди да у изразу посесивности, који се означава именичком синтагмом, увек постоји помен, обично именица којом се означава оно што некое припада, тј. ПОСЕСУМ а неопходно је и да израз посесивности садржи оног коме ПОСЕСУМ припада, тј. ПОСЕСОРА. ПОСЕСОР искључиво означава жива бића» [6; 335].

В этой связи приведем также высказывание С. Стоянович о термине посесивность: «Lingvistička posesija bi predstavljala naziv relacije koja se javlja između posesora I posesuma. Posesor je subjekat posesije, a posesum je objekat posesije» [7; 10].

Действительно, основные расхождения в понимании термина «посесивность» сводятся к различному толкованию понятий субъекта посесивности и объекта посесивности. Исследователи толкуют значение этого термина в зависимости от того, исходят ли они из понятия юридической принадлежности предмета лицу или из совокупности значений, выражаемых словом «принадлежность», (не только «собственность», «достояние», но и «часть», необходимый составной элемент чего-нибудь, вхождение в состав чего-нибудь и др. В связи с этим в отдельных работах в качестве иллюстрации иногда приводятся конструкции, выражающие отношения «вещной, предметной принадлежности», например: «ножка стола».

С другой стороны, исследователи обращаются к атрибутивной, предикативной и атрибутивно-предикативной посесивности. В зависимости от указанной семантики к анализу привлекаются или словосочетания, или предложения. А.А. Потební, рассуждая о категории притяжательности в русском языке, писал следующее: «...первоначально всякое притяжательное предполагает существительное в значении особи и есть притяжательное личное. <...> Позднее устанавливается разница между лицом и вещью. Особь синекдохически принимается за образец рода, мыслится при производном прилагательном все неопределеннее, причем это прилагательное переходит к значению притяжательного родового и относительного, т. е. приближается к безотносительному, качественному, Чем древнее строй языка и чем образнее в этом языке обычное мышление, тем обычнее употребление суффиксов, присвоенных потом притяжательным личным там, где нынешний литературный язык требует притяжательных родовых и относительных» [8; 402-403]. Исторически относительность в значении прилагательных, а вслед за тем и качественность, — явление вторичное, результат развития абстрактного мышления. Таким образом, по мнению А.А. Потební, путь прилагательного — от притяжательности к качественности через относительность. Чем далее в глубь веков, тем конкретнее значение прилагательных, тем больше в них притяжательности.

В истории русского языка вплоть до XVII в. притяжательные прилагательные оставались главным средством выражения принадлежности. В современном русском литературном языке здесь более употребителен родительный падеж имен существительных. Некоторые исследователи отмечают, что доминанту семантического поля посесивности образуют не атрибутивные, а предикативные конструкции. А.В. Бондарко и другие ученые предприняли попытку представить в определенной системе функционально-семантические поля (ФСП), объединяющие средства выражения основных семантических категорий грамматики.

Поле посесивности наряду с локативностью, бытийностью и обусловленностью, по мнению авторов, объединяет предикативно-обстоятельственное ядро. «Пре-

дикативной структурой характеризуется один из двух основных типов посессивности (предикативная посессивность, представленная в конструкциях с *быть* и *иметь*)», — отмечают авторы монографии [9; 3]. В результате одни лингвисты сводят всю семантику посессивности к значениям собственно обладания, владения, другие склоняются к расширенному пониманию данного понятия как некоторого связующего значения, реализующегося в сочетаниях самой различной семантики (А.М. Пешковский, Е.М. Вольф, О.Н. Селиверстова, О.М. Дедова).

В последних исследованиях сербских авторов также наблюдается широкое понимание термина «посессивность», который видится более абстрактно сравнительно с термином «принадлежность». Так, Г. Терич замечает: «Posesivnost u ovom širem značenju ide dalje od odnosa stvarnog posedovanja imovine, konkretnik materijalnih predmeta i dobara, i obuhvata i apstraktno posedovanje, pripadnost nekome ili nečemu i čitav niz drugih odnosa» [10; 10]. Разграничение узкого и широкого понимания термина «posesivan» находим в работах сербского лингвиста С. Стоянович, которая утверждает следующее: «Termin posesivan u morfološkom smislu u srpskohrvatskom jeziku odnosi se na leksičke forme nastale dodavanjem morfema **-ov, -ev, -in, -ljev, -ji, -uji, -nji, -ni, -ski, -ovski, -inski i -ijski** na imenicu, na taj način tvoreći gramatičku kategoriju prisvojnih prideva koji imaju posebne oblike u odnosu na prisvojne zamenice» [11; 295].

При этом автором термин «posesivan» трактуется не только в узком смысле, как понятие принадлежности, но и в более широком: «Tako, na primer, morfema **-ov** može da označava i druge odnose osim posesije u užem smislu (sensu stricto). Ti drugi odnosi mogu da se kreću od već pomenute posesije u užem smislu, pa do relacije za koju se tek naknadno može dokazati da je posesivna poreklom... Variranjem subjekta i objekta posesije dobijaju se različite vrste odnosa koji nisu istovetni sa posesijom u užem smislu, koja označava takvu vrstu odnosa u kojem je moguća transformacija sa glagolom **imati**, posedovati» [12; 295]. В качестве иллюстрации исследователь приводит следующие примеры:

1) Tada je prvi put legao na *Vukašinov krevet*. (VS 1, 35)

U ovom primeru javlja se posesija u užem smislu jer *Vukašinov krevet* za presupoziciju ima: Vukašin ima krevet.

U primeru

2) Dugo sluša *Đorđevo* produženo ječanje. (VS 1, 24)

nastalom posesijom pripisuje se vršenje glagolske radnje sadržane u glagolskoj imenici ječanje njenom vršiocu, odnosa subjektu Đorđu. Sintagma *Đorđevo ječanje* za semantičku aproksimativnu paralelu ima Đorđe ječi. Ova «pripisivačka» posesija znatno se razlikuje od posesije u užem smislu iz prethodnog primera [13; 295-296].

Наблюдения показывают, что в отечественных работах наиболее распространен термин «притяжательный», сохраняющий значение древнегреческой глагольной формы $\chi\eta\tau\iota\chi\omega$ «владею, обладаю», часто используется и термин «принадлежность», в зарубежной же лингвистике, в том числе и сербской, используется в основном термин «posesiv», унаследованный из древнелатинского. Другие определения рассматриваемой категории единичны. По наблюдениям Вайсса, наибольшее развитие в русском языке получили способы обозначения значения принадлежности через посессора, показателями которого могут служить:

1) нулевое выражение (читает сыну, вымыл руки);

2) притяжательные прилагательные или местоимения (ваш дом, моего ребенка, папина сумка);

3) родительный падеж имени, зависящий от другого имени (родительный принадлежности) (дом отца);

4) дательный падеж в той же позиции, что и родительный, или при глаголе «быть» (памятник Пушкину);

5) предлоги локативного происхождения при глаголах «быть», «иметься» (у ребенка есть игрушка);

6) глаголы, непосредственно несущие в своем значении сему «принадлежности»: «иметь», «обладать», «принадлежать», «относиться» [14; 100-101].

На наш взгляд, синонимичны термины — «принадлежность», «притяжательность» и «посессивность», так как их объединяет общее смысловое содержание: «владение, обладание».

В нашей работе в определении принадлежности мы следуем концепции, принятой Т.А. Ивановой [15; 172-174]. Понятие собственности, владения логически имеет смысл лишь по отношению к одушевленной, живой субстанции (человеку, животному). Поэтому следует ограничивать понятие владельца живым существом. Объектом притяжания, т. е. предметом принадлежности, могут быть, во-первых: предметы, наиболее близкие, непосредственно связанные с человеком, составляющие часть его тела (мамина рука); во-вторых, предметы, находящиеся в постоянном или временном его использовании (сестрина юбка, отцов дом), а также продукты человеческой деятельности (принадлежность сочинения автору — книга Пушкина). В качестве предмета принадлежности может быть также родственное лицо, дружеское или состоящее с владельцем в иных общественных отношениях (Петин брат, Машин друг и т. п.).

Отношения владельца и предмета принадлежности отражают те связи, которые существуют между предметами реальной действительности. Притяжательные прилагательные, родительный падеж существительных наряду с другими частями речи являются грамматическим средством выражения логической категории принадлежности. Совокупность всех средств выражения принадлежности отличается единством, взаимозаменяемостью, неразрывными связями, которые установились исторически и поэтому могут рассматриваться в единстве, что и дает нам основание относить их к одной категории — принадлежности предмета лицу/владельцу. Находя в языке совокупность средств для оформления отношений принадлежности, категория понятийная превращается в языковую.

Ограничение значений предмета принадлежности обосновывается возможностью, заключенной в самом понятии «владение». К предметам не могут относиться, например, действия и состояния типа «мамина тревога», «предписание врача». Категория принадлежности отличается семантически-универсальными и структурно-грамматическими чертами, хотя в каждом отдельном языке сформировались специфические модели конструкций, имеющих отношение к выражению идеи притяжательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. / Под ред. Калнынь Л.З., Молошной Т.Н. М., С. 142-167.
2. Логунова Н.В. «Древнерусский язык: «язык — быть» или «язык — иметь»?» // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Н. Новгород, 2001. С. 209-211.
3. Вайсс Д. Смысловый потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 283-295.
4. Маројевић Р. Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развитку и данас). Београд, 1983.
5. Terić, G. Strukture i vrednosti posesiva u italjanskom jeziku. Beograd, 1991.
6. Вайсс Д. Указ. раб.

7. Stojanović, S. Binarne relacije posesije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Beograd, 1966.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М., 1985.
9. Бондарко А.В. Поссесивность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. СПб., 1996. С. 99-137.
10. Terić, G. Op. cit.
11. Stojanović, S. Op. cit.
12. Там же.
13. Там же.
14. Вайсс Д. Евразийский облик посессора в современном русском языке // Типологические обоснования в грамматике. М., 2004. С. 99-118.
15. Иванова Т.А. О содержании категории притяжательности // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 2. Сер. истории, литературы, языка. № 8. Л., 1975. С. 171-174.

Ханиса Чавдатовна АЛИШИНА —
профессор кафедры общего языкознания,
доктор филологических наук;

Гузель Фаридовна ИМАМЕТДИНОВА —
аспирант кафедры общего языкознания —

Тюменский государственный университет
guzel.imametdinova@rambler.ru

УДК 811.512.145'255.4

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Я.К. ЗАНКИЕВА И ЕГО ПЕРЕВОДА)**

Аннотация. Главная цель этой работы — выявление особенностей перевода экспрессивных элементов текста и фразеологических единиц в романе знаменитого писателя сибирских татар Я.К. Занкиева.

Summary. The main aim of this work is revealing features of ways of transferring expressive means of the text and phraseological units in novel of famous Siberian tatar writer Zankiev.

Ключевые слова. Перевод, проблема перевода, культура, асимметрия, картина мира.

Key words. Translation, the problem of translation, culture, asymmetry, the picture of the world.

В настоящее время происходит интеграция культур. В связи с этим проблема художественного перевода становится все более актуальной: имеет особо важное значение в деле сохранения культур народов. И в этом смысле наиболее интересным представляется изучение лексических эквивалентов при переводе с одного языка на другой. За последние годы значительно выросло число работ, свидетельствующих о стремлении лингвистов к исследованию языковых явлений в широком экстралингвистическом контексте. В настоящей работе, мы сделали попытку сравнить оригинальные единицы с переведенными и осуществить лексический и грамматический анализ собранных соответствий.